

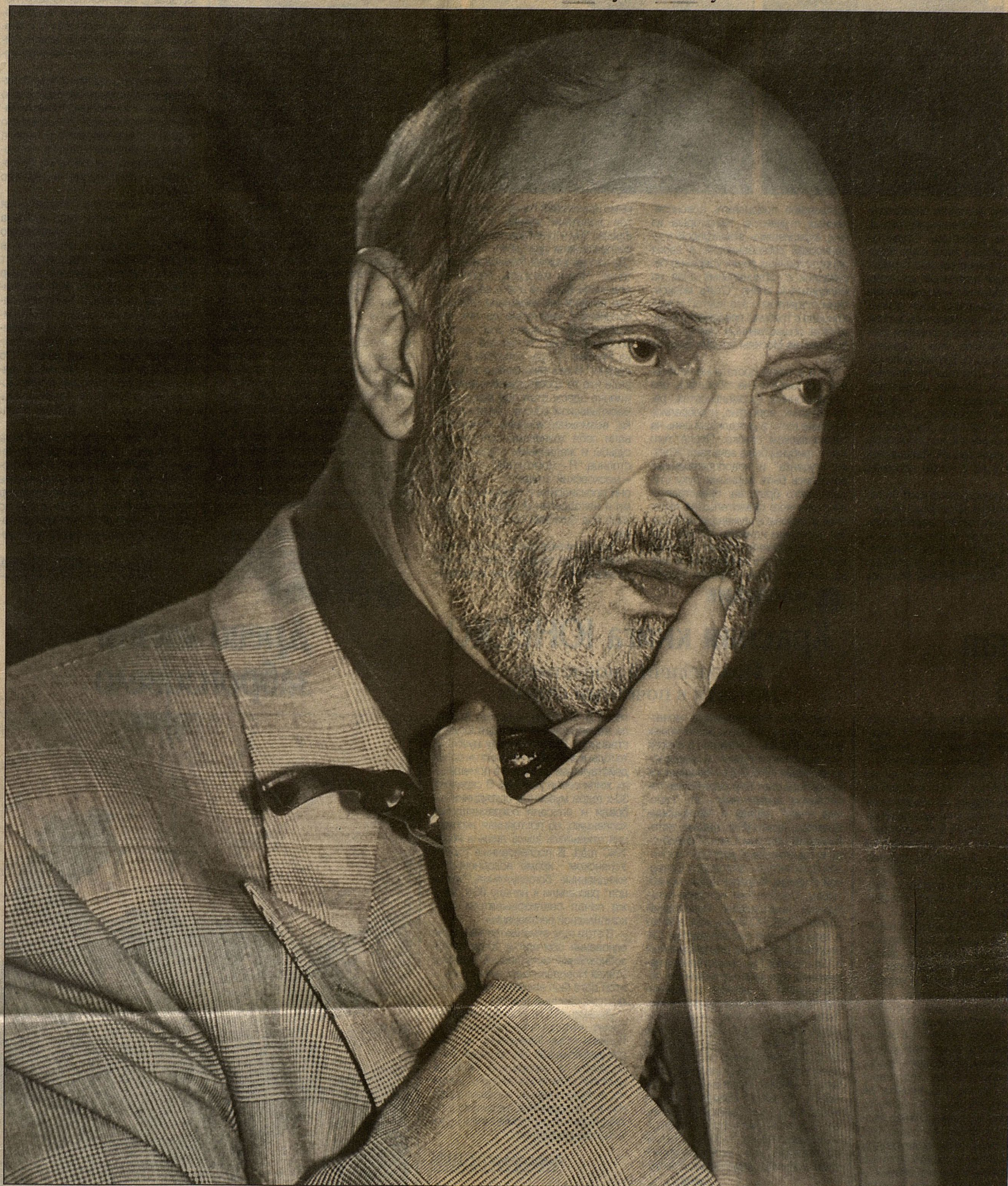
Козаков Михаил
(70 лет, режиссер)

20.10.99

Культура. — 2004. — 14-20 окт. — с. 1

Для чего мы пишем кровью на песке

Михаилу Козакову — 70

Едва окончив Школу-студию МХАТ, Михаил Козаков получил в Театре им. Вл. Маяковского роль Гамлета. А сегодня играет в Театре им. Моссовета Шейлока и короля Лира. Если измерять судьбу Козакова масштабом сыгранных ролей и событийными вехами российского театра, то выйдет поистине тыняновский персонаж. Тот самый тип просвещенного человека, у которого личное с общественным связано в единый тугой узел. Он был с О.Н.Ефремовым в Современнике, он играл в Театре на Малой Бронной эпохи А.В.Эфроса. Он давно, убежденно и очень лично читает поэзию Иосифа Бродского. Из хаоса перестройки устремляется на жительство в Израиль. Там успевает сыграть на только что освоенном иврите чеховского Тригорина и "Любовника" П.Пинтера. Очень быстро начинает испытывать нечто вроде асфиксии и едет назад, в Россию. Пишет книгу об Израиле, о России, о коллегах и о себе самом. Сжигает то, чему поклонялся, и поклоняется тому, что сжигал. Об импульсивности, взнервленной готовности Козакова к переменам участи рассказывают были и легенды. Он вечно живет на пределе, на грани. Но и работает так же. Все, что с ним происходит, сублимируется в творчество, имеющее много ипостасей. Самое поразительное, что во всех своих ипостасях Козаков безнадежно талантлив. Взглянул за режиссуру, и вышли "Покровские ворота", культовое кино для нескольких уже поколений зрителей. А "Фауст", а "Визит дамы", или "Маскарад", или "Безымянная звезда"? В конце 50-х советское кино получило красавца и пижона, лицу, которому смешно предлагать рабоче-крестьянский репертуар. И начались заграничные штучки, отрицательные типы, для которых пришлось как раз впору и точеные линии физиономии, и пижонство, и особый металл в голосе ("Человек-амфибия", "Убийство на улице Данте"). А О.Ефремов вскоре дает ему сыграть в Современнике Адуэва-старшего, и роль русского сэра Генри становится событием театральной Москвы. Козаков — из уникальной породы артистов — личностей, из тех, кто привык, играя, "докладывать" со сцены самого себя, нести исповедальное начало. Их, юбиларов-одногодков, наберется в этом году несколько. Разных, но схожих в уникальности личностного начала, родившихся 70 лет назад и выходивших к зрителю в том театре, "который мы потеряли". Ничего себе юбилейная плеяда: Басилашвили, Козаков, Табаков, Юрский! Один из них ныне крупный руководитель, другой — патриот одного театра, остальные, в разной степени, свободные художники. Но "замес", похоже, один и тот же, и он весьма крут. Козаков среди них — максималист особого рода. Он, реализуя очередную и, как правило, крупную творческую задачу, литрами тратит на нее собственную кровь. Затевая "Русскую антрепризу Михаила Козакова", отчаянно защищал эту форму театра на всех форумах и собраниях. Играв Шейлока в Театре Моссовета, существует посреди эклектичного бедлама, царящего в спектакле, как генерал без армии. В "Лире" держит пронзительную ноту отцовского заблуждения, воплощает неслучайную и именно семейную трагедию. Он не желает понимать, что дочери давно выросли, что предаваться с ними детским забавам червато. Не политические мотивы спектакля делают его Лира убедительным, а щемящая тема стареющего родителя, обманутого собственной деспотичной и слепой любовью. Сарказм и рефлексия — черты его актерской индивидуальности. С годами они все более оттенены сентиментом и печальной умудренностью. Но камертоном, на который настроено его художественное "эго", по-прежнему является поэзия. Сегодня на телеканале "Культура" покажут пьесу Л.Зорина "Медная бабушка" в козаковской постановке. Пьеса, как известно, про Пушкина.

М. Козаков

Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ